

Прости, забудь меня; мы вместе шли донныне;
Путь новый избрал я, путь новый избери,
Печаль бесплодную рассудком усмири,
Как я, безропотно покорствуя судьбине.
Не властны мы в самих себе...

Е. Боратынский

Все, что было не со мной, помню.

Р. Рождественский

Далекое прошлое

Он возвращался счастливым и гнал коня во весь опор. Бабушка, конечно, не могла приехать в Гельсингфорс¹ из своего отдаленного имения, чтобы побывать на свадьбе внука, вот он и решил ее порадовать, навестить — а заодно получить благословение от единственного родного человека. Порадовал, получил, теперь надо спешить. День венчания уже назначен. Совсем скоро Карл Маннергейм, богатый и знатный швед, отпрыск знатного рода, станет мужем прекрасной, прекраснейшей Авроры Шернваль, дочери покойного Выборгского ландсгевдинга, то есть губернатора, Карла Юхана Шернваля, падчерицы видного Выборгского сенатора и юриста Карла Йохана фон Валлена. А впрочем, Карл знал, что искал бы руки и сердца Авроры, будь она даже простой крестьянкой и живи не в роскошном доме в Гельсингфорсе,

---

¹ Это русское произношение шведского названия финского города Хельсинки (Helsingfors (швед.), Helsinki (финск.)), которое в то время, когда Финляндия входила в состав Российской империи, имело место в быту, в официальных документах и в картографии. (Здесь и далее прим. автора.)

а какой-нибудь невзрачной деревушке — вроде тех, которые он миновал в своем стремительном пути по мерзкой, расквашенной от дождей, заваленной сучьями и коряжинами дороге. Он отдал бы жизнь за нее, за ее любовь!

Переняв поводья одной рукой, он стиснул другой в кармане чудесную резную табакерку — подарок невесты с миниатюрой на крышечке: ее портретом и инициалами — АШ.

Конь вдруг оскользнулся, Карл уронил поводья, не удержался в седле и тяжело ударился оземь.

Через несколько часов на него набрели два крестьянина, которые услышали в лесу тоскливое ржание коня.

— Куда ж это он так гнал, страдалец? — простонал один, глядя на мертвого всадника.

— Ой, жалостливый, гляньте на него... — фыркнул его спутник.

— А чего ж его не пожалеть, Федот? Молодой, красивый, жить бы да жить, кабы не эта коряжина. Вот так несся сломя голову — и принеся. А там, может, матушка ждет, а то и девица-красавица в окошко глядит: где ты, мой суженый? А суженый — вот он, с проломленной головой на дороге лежит.

— У всякого судьба своя, хватит тебе причитать, Климка, — оборвал его Федот. — Ты вот что... коня расседлай да в табор сведем его. Мол, по дороге мчал, знать, от какого-то табуна отбился. Цыгане, конечно, народ воровской, настоящую цену не дадут, да ладно, хоть какие-то деньги. К себе ж на двор привести его мы не сможем, верно? Пойдут расспросы: чей да откуда... Привяжутся, глядишь, донесут, понаедет полиция — не отмоешься вовеки. Еще и скажут, что мы этого бедолагу уходили. Поди докажи, что сам он упал!

— Так ведь ежели тело мертвое отыщут, все равно станут искать виновных. А цыгане возьмут да и ска-

жут, мол, крестьяне из Ивановки им коня приво­дили. И скрутят нас, и в каторгу!.. Нет, пошли лучше под­бру-поздорову! — засуетился Клим.

— Глупый ты, брат, глупый да трусливый. Сними седло, сними уздечку — да в воду. Коня цыганам сведем. А этого... раба Божьего... и его в воду, на глубину на са­мую. Поди набери камней, насыем ему в карманы, чтоб не всплыл. Погоди, дай-ка я в карманах для начала по­шарю. Ох ты... а это чего?

— Коробушка с табаком, а камни-то, камни ка­кие... — восхитился Клим. — И личина на крышечке... И впрямь девица! И впрямь красота несказанная! По­ложи на место, Федот. Ладно, конь, но коробушка за­ветная... с любовью даренная. Положи. Грех это!

— Не мели ерунды, — сурово буркнул Федот. — Ему уж теперь все равно, а нам с тобой деньги позарез жизни нужны. Тебя от рекрутчины откупим, а я... а я женюсь теперь! Ему-то, страдальцу, теперь уже все равно! Ну, чего стал?! Расседывай коня, чего на личину уставился? Не про тебя честь! И не горюй о ней: одного похорони­ла — другой сыщется. На такую красоту господа небось летят как мухи на мед! Поплачет — да и успокоится.

Нижний Новгород, наши дни

Иногда главное — не оглядываться. Так совету­ет народная мудрость! Возьмите какую хотите сказ­ку — непременно герой должен идти вперед, а назад посмотреть — ни-ни! Или вспомним Орфея. Его же предупреждали: когда поведешь Эвридику из Аида, ни в коем случае не оборачивайся! Однако он обернул­ся — ну и вот вам результат: лишился навеки Эври­дики, а потом и сам погиб, растерзанный менадами. А ведь кто знает, как бы сложилась его судьба, если

бы он не оглянулся тогда, уходя из Аида?! Главное, предупреждали ведь! Нет, как об стенку горох...

А вот Алёну Дмитриеву никто не предупреждал. Поэтому ее некоторым образом можно извинить за то, что она обернулась. Померещилось знакомое лицо, ну и обернулась, чтобы посмотреть на двух девушек, которые как раз садились в серый «Ниссан». Та, на которую оглянулась Алёна, тоже бросила на нее любопытствующий взгляд и даже вроде бы улыбнулась, но наша героиня уже решила, что ошиблась, что никогда раньше эту барышню не видела и явно приняла ее за кого-то другого. А может, и видела, но не помнила. Что и говорить, память у нашей героини была короткая, короче некуда, из-за чего она не единожды попадала в неловкое положение. С другой стороны, писателю как бы положено быть рассеянным. Алёна же Дмитриева была именно что писательница — не слишком, конечно, известная, но за славой она не гналась.

Ведь что слава? Жалкая заплата, как известно, а главное, слава, прежде всего мирская, проходит, как... ну, как-то *так* она проходит, как-то *sic*. Ну всю жизнь мечтала Алёна уточнить, что же это за *sic* такое особенное, какой смысл вкладывали премудрые латиняне в это понятие? Сказали: *sic transit Gloria mundi*, но не позаботились пояснить, каким же особенным *sic*'ом эта сама *mundi* берет да и *transit*... А впрочем, ключевое слово здесь именно *transit*, проходит, проходит слава, хоть тресни...

Размышляя об этом, Алёна пошла себе дальше, начисто забыв про двух девушек, которые садились в серый «Ниссан», а черноглазый, улыбочивый, донельзя любезный молодой человек захлопнул за ними дверцу и сел рядом с водителем.

— Что за тетка? — спросил настороженно. — Знакомая или как?

Девушки переглянулись. Черноглазый обаятельный и любезный красавчик мгновенно перестал быть обаятельным и любезным. И даже как бы красоты в нем поубавилось.

И тут черт потянул за язык одну из девушек... а может быть, черт тут был совершенно ни при чем, просто она инстинктивно почувствовала беду, которой почему-то не предчувствовала раньше, и попыталась ее отвести, хоть как-то себя обезопасив.

— Да, знакомая, — сказала она. — Это писательница здешняя, очень известная, Алёна Дмитриева. Знаете такую?

— Нет, — покачал головой молодой человек и покаянно улыбнулся. У него была очаровательная улыбка, добрая и открытая, имеющая, впрочем, такое же отношение к доброте и открытости, как слезы крокодила — к жалости. Не более чем сокращение лицевых мускулов и демонстрация великолепных зубов... это мы об улыбке, понятное дело. — Пелевина знаю, а Дмитриеву какую-то... Нет.

— А вот я Пелевина не люблю! — задиристо сказала девушка и прошлась насчет его сине-зеленой кислотности, а молодой человек возразил, причем стало ясно, что он читал Пелевина побольше, чем эта девушка, и ей стало неловко, она разгорячилась, немедленно начала ввязываться в спор ради спора, ничего уже вокруг не видела, не обращала никакого внимания ни на что, в том числе на то, куда их вез молчаливый, лишь изредка ухмыляющийся водитель, — и продолжалось это до тех пор, пока ее подруга — которая участия в споре не принимала, потому что вообще никого не читала, ни Пелевина, ни

Дмитриевой, ни графа Л. Н. Толстого (бывают, бывают такие люди, и их даже больше, чем вам кажется!), — не ткнула ее в бок и не спросила встревоженно: — Слушай, а где это мы?

Честно говоря, еще и раньше подруга удивлялась, что едут они вроде бы не совсем туда, куда хотели добраться, — в центр Сормова, а по каким-то извилистым, окольным путям, она даже спросила почему, но водитель буркнул: объезд, мол, дорога ремонтируется, что, она знаков не видела? Она не видела знаков, но промолчала, потому что на всю жизнь усвоила правило, которое в пору ее детства было запечатлено в каждом средстве общественного транспорта: «Во время движения не отвлекайте водителя разговорами!» Вот она и не отвлекала. К тому же она привыкла к тому, что «мужчина лучше знает!». Но вот теперь подспудное беспокойство вырвалось наружу.

Тогда и первая девушка наконец-то глянула в окошко — и изумилась. Они находились на какой-то окраине... несколько невзрачных домиков, вызывающих в памяти невразумительное словосочетание «народная стройка», торчали среди заброшенных, заросших сорняками садовых участков с полусгнившими деревьями и уродливыми пнями, словно и сами были такими же пнями.

— Слушайте, слушайте, — забормотала девушка, мигом испугавшись и забыв и про Пелевина, и про Алёну Дмитриеву, и вообще про все на свете. — Где это мы, зачем, почему, как, нам же в центр Сормова надо было! А это что? Вы куда нас привезли? Зачем?

— Ничего, девушки, — успокоительно сказал обаятельный любитель Пелевина и улыбнулся чарующе. — Вы давайте выходите. Там разберемся.

А поскольку они не тронулись с места, вцепившись в кожаную обивку сидений, он выключил улыбку, как выключают свет, и рывкнул:

— Выходите, живо, ну!

Девушки дружно зажмурились от страха и не двинулись с места, но через мгновение знакомая Алёны Дмитриевой услышала пронзительный визг подруги — и открыла глаза, понимая, что сейчас увидит нечто ужасное.

Да, в самом деле — она увидела, что любезный молодой человек держит пистолет и черное дуло упирается в лоб ее подруги.

Мезенск, 1942 год

— *Откуда она тут взялась? Нет, объясните, откуда она тут взялась?!*

— *Mein Gott¹, угомонитесь, фон Шубенбах, не кричите так. Ясно же, что она тут взялась из воды.*

— *Изволите шутить, обер-лейтенант? А между тем мне не до шуток. Откуда вдруг посреди реки взялась эта женщина?!*

— *Возможны следующие варианты, фон Шубенбах: а, бэ, цэ. Вариант а: эта фрейлейн — сирена, русалка, жительница подводных глубин, морских и речных, и она выглянула на поверхность, чтобы спеть нам свою чарующую песнь и увлечь на дно, где она обитает в роскошном дворце. Не приходилось читать в детстве сказки некоего Ганса Христиана Андерсена? Конечно нет, я почему-то сразу так и подумал, что нет.*

— *Андерсен? Подозрительная фамилия. Он, этот ваш Андерсен, наверное...*

---

¹ Бог мой (нем.).

— Нет, успокойтесь, у этого господина вполне арийское происхождение, он датчанин, потомок тех самых викингов, которые так милы сердцу нашего фюрера. К тому же сей господин отошел к праотцам более полувека назад.

— Тогда при чем он тут вообще?!

— Всего лишь при том, что у него есть сказка об одной такой *pixe*, русалке, которая настолько сильно влюбилась в некоего простоватого принца, что ради него рассталась со своим рыбьим хвостом и обрела две ножки — полагаю, столь же прелестные, как и у этой *фрейлейн*, которая так мило лежит перед нами на траве. И все же полагаю, что это не русалка. *Nobless oblige*, как говорят в Париже, откуда я прибыл совсем недавно, — ах, какой город, фон Шубенбах, какой город и какие в этом городе женищины! — положение обязывает, а потому русалка должна была явиться пред нами некоторым образом *exposé*, а попросту сказать, *пи*¹, а не в купальном костюме, как наша прелестная утопленница. Это все, что я хотел сказать о варианте «а». Теперь о варианте под литерой «бэ». Полагаю, именно он пришел вам в голову — судя по вашим прищуренным глазам, фон Шубенбах. А состоит он в том, что бесчувственная красотка — *диверсантка* с русской подводной лодки, которая, очевидно, лежит на дне реки. *Фрейлейн* всплыла на поверхность в надежде обворозжить вас и с вашей помощью получить доступ к неким секретным документам, которыми вы как помощник главного военного следователя, конечно, располагаете... Сама по себе версия хороша, не спорю, однако, учитывая глубину сей речушки, особенно на отмелях, я не могу вообразить даже бочку, которая могла бы незаметно залечь на дно, не то что полноценную под-

---

¹ Обнаженная; голая (франц.).

водную лодку. Так что вариант «бэ» мы тоже можем считать несостоятельным. Остается «цэ», и эту версию я готов был бы считать самой правдивой.

— И в чем она состоит?

— Да в том, что наша незнакомка заплыла сюда с той стороны пляжа, где расположились brave ребята из гестапо. Это подружка какого-нибудь обершарфюрера СС, неустанного борца против этих мифических подпольщиков.

— Почему вы называете их мифическими?

— Да потому, что они — как персонажи мифов: их никто не видел, но все о них знают и из уст в уста передают сказания об их героических деяниях.

— Героических деяниях?! Советую вам быть поосторожней в словах, обер-лейтенант Вернер!

— Да ладно вам, фон Шубенбах, я употребил это слово исключительно в кавычках.

— Смотрите... вы здесь на фронте, а не в Париже или Берлине, под крылышком папеньки-фабриканта. Что же касается ваших пресловутых версий, то я, пожалуй, предпочел бы, чтобы эта особа оказалась не русалкой, а партизанкой. Мы отволокли бы ее в гестапо, и я наконец получил бы отпуск! Смотрите-ка, Вернер, у нее дрожат ресницы! Она пришла в себя! Откройте глаза, фрейлейн. Откройте глаза! Разве вы не понимаете, что я говорю?

Лиза вздохнула, неохотно открыла глаза. Она лежала на травянистой полоске узкого островка, который находился посреди не слишком широкой и вовсе даже не бурной реки. Лиза с некоторым усилием села и огляделась. Левый берег был высок, обрывист и покрыт аккуратными пенечками. Вдали, метров через сто, начинался довольно густой лес, и можно было предположить, что некоторое время назад он подходил к самой реке, а потом

его вырубил. Теперь на берегу стояли несколько солдат в серо-зеленой форме, в касках, с автоматами и ручными пулеметами, направленными на лес. Под берегом приютилась лодка, в которой тоже сидели автоматчики.

Увидела она солдат и на противоположном берегу. Они стояли редкой цепью вдоль дороги, сквозившей за реденькими рошицами. Половина солдат в цепи была в серо-зеленых мундирах, половина — в черных. А между их цепью и водой резвились веселые компании полуодетых людей. Мужчины были в купальных трусах или плавках, женщины — кое-кто в модных купальниках, а кое на ком Лиза увидела самые обычные майки, заправленные в обычные розовые или голубые трусы и для шикю перехваченные ремешками. Ну что ж, в конце концов, они тут собрались не для спортивных состязаний, где требовалась форма, а чтобы развлечься. И развлекались самым непринужденным образом. Небольшая компания играла в волейбол; много народу плескались в воде. Некоторые лежали на разостланных полотенцах и загорали, благо солнце было ярким и жарким. Некоторые молодые люди старательно уткнулись в книжки, демонстративно не обращая внимания на визг и смех, которые раздавались из-за кустов: ведь кое-кто был уже навеселе и вел себя совершенно непринужденно с легко одетыми девицами. Слышались звуки гармоники, и приятный голос громко, хоть и несколько фальшиво выводил:

Около казармы
У самых у ворот,
Фонарь стоит высокий,
Горит он круглый год.
И мы с тобой, в любви горя,
Стояли здесь, у фонаря,
Моя Лили Марлен,
Моя Лили Марлен...

По берегу туда-сюда сновал человек в серой форме с неуклюжей, громоздкой кинокамерой в руках. Он подбегал то к волейболистам, то к купальщикам, то заглядывал за кусты, откуда слышался дурашливый крик. Один раз в оператора полетела бутылка, и больше он в кусты не совался, целиком переключившись на волейболистов.

— Вы с таким любопытством озираетесь, как будто с луны на землю свалились! — засмеялся кто-то рядом. — Ну взгляните же наконец и на нас, грешных, всё же мы в некотором роде ваши спасители!

Лиза повернула голову и наконец-то удостоила взглядом двух молодых людей, стоявших рядом.

Один был высоченный, плечистый, атлетического сложения, ярко-голубоглазый блондин — вообще его вполне можно было назвать даже белобрысым. Его мускулистое тело было очень белокожим, и солнце уже оставило на нем следы. «Если не оденется, то запросто сгорит», — подумала Лиза и оглянулась на второго молодого человека.

Он смотрелся не столь эффектно: и ростом пониже, и в плечах поуже, и волосы всего лишь темно-русые, и глаза самые обыкновенные, серые, однако в этих глазах, направленных на Лизу, светилось столько откровенного мужского интереса, что она невольно смутилась.

— По-хорошему, это нас, скромных героев, должен был запечатлеть сей досужий ловец сенсаций, — сказал он, кивая на оператора с камерой, и в его глазах сверкнула насмешка.

Лиза узнала голос того, кого называли Вернером. А «белокурая bestия» — это, конечно, фон Шубенбах.

— Какая жалость, что его не оказалось рядом, когда мы тащили вас из реки, — продолжал Вернер. — Вот это, я понимаю, была бы трогательная иллюстрация к истории жизни доблестных вояк на новых территориях.